

0324

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Лиз Фулдинг

**МЕСТЬ
И ЛЮБОВЬ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Лиз Филдинг
Месть и любовь
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 324

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5828159
Месть и любовь: Центрполиграф; М.: 2013
ISBN 978-5-227-04348-1

Аннотация

Клер Тэкерэй – журналистка. Работает в колонке новостей, одна воспитывает дочь. Надеется, что заметки о жизни мультимиллионера Хэла Норта станут решающим шагом в ее карьере. Больше всего опасается красавцев, способных заставить ее потерять голову. Хэл Норт – бывший городской хулиган, новый владелец поместья Крэнбрук-Парк. Не общается с прессой. Больше всего опасается журналисток, особенно таких хорошеньких, как Клер Тэкерэй...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лиз Филдинг

Месть и любовь

Глава 1

«КРЭНБРУК ПРОДАН?»

Судьба Крэнбрук-Парка стала объектом повышенного внимания на прошлой неделе, после того, как один из центральных телевизионных каналов заявил о тяжелом финансовом положении его владельца, чем вызвал озабоченность кредиторов поместья.

На территории Крэнбрук-Парка, главной достопримечательностью которого являются развалины аббатства, построенного в XII веке, с пятнадцатого столетия проживают представители одного и того же семейства.

Оригинальный зал Тюдоров, построенный Томасом Крэнбруком и значительно расширенный в последние десятилетия, а также сам парк, основанный в XVIII веке Хампфреем Рептоном, долгое время являлись излюбленным местом жителей Мейбриджа. Нынешний баронет, сэр Роберт Крэнбрук, великодушно приветствовал проведение на территории своего поместья благотворительных мероприятий.

Журнал «Обозреватель» связался сегодня с

представителями агентства недвижимости, чтобы прояснить ситуацию, но они отказались давать комментарии».

«Обозреватель Мейбриджа», четверг, 21 апреля

Сэр Роберт Крэнбрук кинул взгляд через стол. Могущество этого мужчины не могло скрыть даже инвалидное кресло и разбивший его инсульт. Только рука его предательски тряслась, когда он взял у адвоката ручку, чтобы поставить подпись под отказом от власти и привилегий, передававшихся в его семье из поколения в поколение.

– Тебе, случайно, не нужен образец моего ДНК, мальчишка? – спросил он, бросая ручку на стол. Его речь была невнятна, но взгляд сверкал высокомерием пятисотлетней выдержки. – Ты готов к тому, что имя твоей матери будет не раз произнесено в суде, чтобы удовлетворить твоё притязание? Потому что я собираюсь жестоко оспаривать твоё право наследовать мой титул.

Даже сейчас, когда он потерял все, он продолжал думать об имени. Титул барона, который к нему прилагался, был очень весом.

Рука Хэла Норта не дрогнула ни на секунду, когда он собрал бумаги и ставил под ними свою подпись. Он никак не отреагировал на презрительное обращение к себе.

Сам Крэнбрук-Парк не имел для него никакого значения. Главное – чувство победы над врагом, сидящим сейчас на

другом конце стола, которое приносило ему полное удовлетворение. Или почти полное. Приспешник Крэнбрука, Тэкерэй, не дожил до этого момента, но его дочь все еще снимала коттедж на территории поместья. Оставалось выгнать ее из дома, и его миссия будет завершена.

– Ты не сможешь сражаться со мной, Крэнбрук, – сказал он, возвращая ручку адвокату. – Ты заложил свою душу налоговому инспектору, и если я не оплачу твои долги, ты станешь банкротом и проведешь остаток жизни в приюте для нищих.

– Господин Норт...

– Мне совершенно неинтересен тот аспект, что ты – мой отец. Ты отказался признавать меня своим сыном, когда еще это было для меня значимо, – продолжил он, игнорируя возгласы протеста со стороны стряпчего Крэнбрука. Прошлое касалось только их двоих. Больше никого. – Я не собираюсь признавать тебя. Мне не нужно ни твое имя, ни твой титул. В отличие от тебя, мне не пришлось дожидаться смерти отца для того, чтобы завоевать свое место под солнцем и стать мужчиной. – Он взял в руки документы на владение Крэнбрук-Парком – пергаментный свиток, перевязанный красной лентой с королевской печатью. Теперь имение принадлежало ему. – Ни одному человеку в мире я не обязан своим успехом. Все, что у меня есть, включая это имение, которое ты потерял из-за того, что был слишком ленивым любителем легкой жизни, – все это я заработал честным непосильным

трудом, который ты всегда считал ниже собственного достоинства. Ты мог бы избежать подобного плачевного состояния, если бы был более трудолюбивым человеком.

– Ты – браконьер, обычный воришка...

– Зато теперь я обедаю с президентами и премьер-министрами, пока ты дожидаясь смерти в мире, ограниченном одной-единственной комнатой с видом на клумбу. – Хэл повернулся к своему адвокату, передал ему свиток, словно это была лишь свернутая в трубочку газета, и встал в надежде закончить разговор. Ему нужен был глоток свежего воздуха. – Подумай о том, как я буду сидеть за твоим столом, как я все тут переделаю, Крэнбрук. Подумай о моей матери, которая будет спать в королевской спальне и сидеть за столом, где твои предки подхалимничали перед королем, вместо того чтобы служить ему верой и правдой. – Он кивнул свидетелям. – Мы закончили.

– Закончили! – Сэр Роберт Крэнбрук оперся на стол и постарался встать. – Твоя мать была лживой шлюхой, которая взяла деньги, желая избавиться от тебя, а потом использовала тебя как средство для шантажа, чтобы и дальше содержать своего бесполезного мужа-пропойцу.

Он сел на место, отмахиваясь от подоспевшей помощи.

Хэл Норт никогда не стал бы мультимиллионером, если бы с детства не научился скрывать истинные эмоции. Вот и теперь он стоял с каменным выражением лица, пытаясь заглушить кипение внутри.

– Невозможно шантажировать невинного, Крэнбрук.

– Никто не заставлял ее снова и снова приходить сюда.

Просить с каждым годом все больше. Я ее купил, полностью оплатив все счета.

– Хэл... – тихо произнес один из его адвокатов. – Пойдем уже.

– То, что она спала в королевской кровати, не сделало ее другой женщиной, а те суммы, которые ты ей выплачивал, не делают тебя менее похожим на подлеца.

Крэнбрук поднял палец, который на этот раз уже не дрожал, и указал им на Хэла:

– Ты ненавидел меня за все те годы, когда я не признавал тебя, а теперь свершилось то, о чем ты так долго мечтал, и ты думаешь, что наконец победил. Наслаждайся моментом, потому что завтра ты поймешь, что тебе незачем вставать с кровати. Жена тебя бросила. Детей у тебя нет. Мы с тобой в одинаковом положении.

– Не смей так говорить!

– В одинаковом, – повторил Крэнбрук. – Ты не можешь побороть генетику. – Его губы скривились в подобии усмешки. – Именно об этом я буду думать, когда меня будут кормить через трубочку. Поверь мне, хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Клер Тэкерэй свернула на велосипеде с основной дороги и поехала по пешеходной дорожке, ведущей через Крэн-

брук-Парк.

Знак, запрещающий передвижение на велосипеде, незадолго до Рождества был сбит квадроциклом, к тому же было слишком поздно и она очень устала после долгого рабочего дня, поэтому идти пешком ей не хотелось.

Обычно она не нарушала правил, к тому же в это время суток вряд ли кому-то понадобится здесь идти. В основном здании никто не жил, кроме смотрителя, правда, иногда здесь появлялись рыбаки, которые спешили воспользоваться безлюдностью поместья в это время года и половить форель сэра Роберта в Крэне. Еще оставался Арчи.

Совершая очередной поворот, она была готова увидеть ослика Арчи, который не любил, когда кто-то передвигался в быстром темпе по его владениям, и создавал подобие живой преграды на пути, до ужаса пугая любителей бега трусцой. Поэтому у нее всегда было с собой угощение для него, и теперь она опустила руку в корзину, чтобы вытащить оттуда яблоко.

Она не смогла нащупать фрукт и посмотрела вниз.

Ее первой ошибкой стало то, что она не остановилась в ту минуту, когда поняла, что ей нечем будет отвлечь внимание животного, и если первое еще можно было упустить, второе представляло реальную опасность. И пока в ее голове проносились вопросы относительно того, что происходит, Арчи появился из одной из дыр в ветхом заборе, без труда пробираясь через прутья, а сама она была слишком за-

нята, усердно вращая педали, чтобы обогнать его.

Второй ее ошибкой стало то, что она оглянулась назад, чтобы посмотреть, насколько далеко ослик. И следующее, что она поняла, – это то, что катится по земле кувырком, не понимая, где заканчиваются ее конечности и начинаются детали велосипеда. Самое странное было то, что конечности в этой свалке участвовали не только ее. В результате она приземлилась лицом вниз на клумбу с колокольчиками, растущими возле изгороди.

Арчи остановился возле нее, принялся и, убедившись, что миссия выполнена, поспешил спрятаться в ожидании новой жертвы. К сожалению, мужчина, в которого она врезалась и который представлял собой вторую часть их с велосипедом сэндвича, никуда не торопился.

– Какого черта вы здесь делаете? – спросил он.

– Нюхаю колокольчики, – пробурчала она, пытаясь сохранить спокойствие, хотя в голове у нее пролетали тучи мыслей, одна мрачнее другой.

Ей понадобилось некоторое время, для того чтобы обрести хотя бы малейшую ясность сознания, и первое, что она сделала, – это отодвинула руку, которая оказалась зажатой некоторой частью мужского тела, находящейся под ручками велосипеда.

– Прекрасный аромат, не находите? – Она поспешила продолжить игру, разрываясь между желанием послать его к черту и надеждой на то, что он не сильно ушибся.

Не обращая внимания на ее попытки разрядить обстановку, мужчина произнес:

– Это – пешеходная дорожка.

– Я знаю, – пробурчала Клер, понимая, что он может создать ей серьезные неприятности в связи с нарушением закона, если окажется, что он пострадал. Эта мысль ей не понравилась. – Мне очень жаль, что я на вас наехала.

Так оно и было. Ей было очень, очень жаль.

Жаль, что ее бобовые атаквали утром мухи. Жаль, что она забыла яблоко для Арчи. Жаль, что на ее пути оказался господин Ворчун.

Тридцать секунд назад она уже опаздывала. А теперь ей придется идти домой и приводить себя в порядок. И хуже всего, что ей придется звонить редактору новостного отдела и говорить, что ему придется отправлять другого корреспондента на встречу с председателем комитета по планированию.

Он будет вне себя от ярости. Она провела в Крэнбрук-Парке всю свою жизнь, и именно она должна была освещать происходящие в нем события.

– Вам не следовало использовать ее как гоночный трек...

О боже... Вот она лежит в грязи, придавленная велосипедом, с незнакомым мужчиной, обнимающим ее из-за нелепого стечения обстоятельств, и он уже читает лекцию по поводу безопасного поведения на дорогах.

– ...к тому же вы даже не смотрели, куда едете.

– Возможно, вы не заметили. Но за мной гнался осел, – сказала она.

– О, я заметил.

Без сочувствия, но с явным удовлетворением.

– А сами-то вы? – спросила она. Хотя она его почти не видела, ей удалось заметить, что на мужчине был темно-зеленый комбинезон, и если она не ошибалась, в момент падения перед ее глазами промелькнули ноги, обутые в резиновые сапоги. – Смею предположить, что у вас нет разрешения на рыбную ловлю в окрестностях парка.

– И вы совершенно правы, – признался незнакомец, явно не испытывая ни малейшего угрызения совести. – Вы ошиблись?

Наконец-то!

– Просто пока вы не подвинетесь, я не смогу встать.

– Мне очень жаль, – сказала Клер с легким намеком на сарказм, – но после подобного падения двигаться нельзя. – Она писала статью о курсах по оказанию первой медицинской помощи для одного из женских журналов, поэтому неплохо в этом разбиралась. – Мы могли сильно пострадать.

– Вы шутите? Вы предлагаете лежать и ждать, пока мимо нас пройдет врач?

– У меня в сумке лежит телефон, – сказала Клер. Сумка слетела с нее в момент падения и теперь лежала слишком далеко для того, чтобы она могла сама до нее дотянуться. – Если можете достать его, наберите 911.

– У вас что-то болит? – Наконец она услышала в его тоне нечто отдаленно похожее на беспокойство. – Я не собираюсь вызывать скорую помощь из-за ушибленного эго.

– У меня может быть сотрясение, – заявила она. – И у вас тоже.

– Если вы получили его, вам некого винить, кроме себя. Велосипедный шлем должен находиться на вашей голове, а не в багажнике.

Естественно, он прав, но председатель комитета по планированию был мужчиной старой закалки. Любая журналистка, мечтающая написать статью, должна была быть безусловно воспитана и одета по случаю в юбку и туфли на высоких каблуках. И после долгих стараний, потраченных на создание высокой прически для убажания старого женоненавистника, Клер не собиралась портить ее велосипедным шлемом.

Она собиралась поехать на автобусе сегодня утром. Но тут случилась эта история с черными бабочками, и она на него не успела.

– Сколько я пальцев показываю? – спросил господин Ворчун.

– О... – Она часто заморгала, когда прямо перед ее носом появилась испачканная ладонь. Вторая рука оставалась на ее спине в достаточно фамильярном положении. Но она не собиралась подавать вида, что заметила это. Более мудро с ее стороны было сконцентрироваться на второй руке, грязные пальцы которой поразили ее своей утонченной формой

и невероятной длиной. – Три? – предположила Клер.

– Почти.

– Мне кажется, в данной ситуации «почти» не очень уместно, – проворчала она. – Может, попробуем еще раз?

– Сначала попробуйте сосчитать до трех.

– Прямо сейчас я не совсем уверена, что помню, как меня зовут, – солгала она.

– А имя Клер Тэкерэй тебе знакомо?

И в этот момент она сделала глупость и, оторвав взгляд от колокольчиков, взглянула на своего собеседника. И сразу забыла про сотрясение.

Теперь ей грозил сердечный приступ. Во рту пересохло, дыхание остановилось.

Господин Ворчун оказался вовсе не раздражительным стариканом, защищающим честь парковой дорожки. Возможно, он был сердитым, но совсем не старым. Он был в полном расцвете сил. Такими становятся смазливые юноши, прошедшие пору двадцатилетия и достигшие полного расцвета.

Хотя Хэла Норта смазливым назвать было трудно.

В юности он был довольно худощавым и очень диким по характеру, что одновременно пугало и привлекало ее. Когда она была еще совсем маленькой, ей очень хотелось привлечь его внимание, но она была готова бежать со всех ног в противоположном направлении, как только он бросал на нее взгляд. Когда она стала подростком, его образ поселился в

ее фантазиях, которые довели бы ее мать до сердечного приступа, если бы она только предположила, что ее драгоценная девочка мечтает о городском хулигане.

Хотя беспокоиться насчет Хэла Норта у ее мамы причин не было. Клер была слишком наивна, чтобы идти дальше фантазий, и слишком молода, чтобы Хэл заметил ее существование. Кругом были толпы девиц его возраста, девиц с оформившимися фигурами, которых привлекала аура опасности и риска, окружавшая его и заставлявшая все ее тело дрожать от чувств, которым она не умела дать определение. Она чувствовала себя так, словно видела перед собой кумира из любимого фильма или рок-звезду, внезапно сошедшую с экрана телевизора. Ощущала внутреннее возбуждение, значение которого не понимала и не знала, что с ним делать.

Возможно, дело было в другом. Клер была «ботаником», никогда не принадлежала к стае крутых девиц, которые хихикали по углам по поводу того, что она не понимала. Пока ее одноклассницы практиковали свои женские способности, она ограничивалась чтением чужих переживаний на страницах литературы девятнадцатого века.

Он заметно возмужал с того момента, когда сэр Роберт Крэнбрук выгнал его из поместья по какой-то неизвестной ей до сих пор причине. Ее мать обсуждала случившееся с ее отцом шепотом, и когда Клер приближалась достаточно близко для того, чтобы расслышать, о чем они говорят, она сразу надевала на лицо дежурную улыбку и делала вид, что

ничего не происходит. А с местными девчонками близких для сплетен отношений у нее не складывалось.

И тогда на страницах ее дневника появились записи о том, что на самом деле могло случиться, о том, как он вырастет и вернется за ней, обнаружив, что из гадкого утенка она превратилась в прекрасного лебедя. Хорошая тема для сказки... Прошло много лет, дневник затерялся в коробке среди старых школьных тетрадей, а сам сказочный герой был забыт во время реального любовного романа.

И теперь он лежал совсем близко к ней, ближе, чем она осмеливалась это представить в своих фантазиях. И она снова почувствовала силу его привлекательности, поняв, что ее влечение к нему никуда не делось, а с годами только окрепло.

Из худощавого юноши он превратился в широкоплечего мужчину. Его огромные ладони не смотрелись теперь так нелепо на фоне тонких запястий. Его скулы выглядели все так же мужественно. Все тот же волевой подбородок и орлиный нос, который, как она предположила, пару раз ломали. Мягкий изгиб нижней губы.

Клер напомнила себе, что ей теперь двадцать шесть. Теперь она – ответственный взрослый человек с серьезной работой и маленьким ребенком. Зрелая женщина, которая не краснеет. Никогда.

– Я удивлена, что ты меня узнал, – сказала она, пытаясь не выдавать волнения, несмотря на бешено стучащее сердце и пылающие щеки. Еще ей не давала покоя ее рука, зажатая

между его ног. Сложно не потерять самообладания, оказавшись в подобной ловушке с мужчиной, который был плодом фантазий в ее девичьей спальне.

Она быстро отдернула руку, отчаянно мечтая не выглядеть глупо.

– Ты не сильно изменилась.

По его тону она поняла, что это не комплимент.

– Все такая же чопорная и скованная. И все так же катаешься на велосипеде по пешеходной тропинке. Могу поспорить, это – единственное правило, которое ты нарушила за всю свою жизнь.

– Не вижу ничего привлекательного в нарушении правил, – сказала Клер, пытаюсь не реагировать на его едкие замечания. Его слова по поводу того, что она выглядит так же, как когда носила школьный пиджак и панамку, скрывавшую косички, ее потрясло. – Не вижу смысла в том, чтобы прятаться за ивами и воровать форель сэра Роберта. Или для тебя жизнь по правилам не имеет смысла?

– И все так же остра на язык.

Это уже слишком. Возможно, случившееся было неприятно, но тем не менее... За ней гнался осел, и любой другой мужчина на месте Хэла к этому моменту уже пытался бы сдержать улыбку. А большая часть из них уже бы громко смеялась.

– Кстати, о форели, – добавил он. – Роберт Крэнбрук никогда не был владельцем рыбы. У него лишь было право сто-

ять на берегу и пытаться поймать ее. Хотя теперь он и это не может себе позволить.

– Возможно, нет, – сказала Клер. – Если верить слухам о финансовом положении сэра Роберта, новый владелец вряд ли обрадуется твоей самодеятельности. Но не беспокойся, – добавила она, предпринимая попытку разрядить обстановку, – я тебя не выдам, если ты пообещаешь забыть о моем нарушении.

– Может, вылезем из канавы, прежде чем ты начнешь переговоры?

Переговоры? Боже, она лишь пыталась пошутить!

– Кажется, сотрясения ты не получила, – продолжил он. – И если ты только не скажешь, что не чувствуешь ног или что-то сломала, я предпочту не отрывать врачей скорой помощи от более срочной работы.

– Правильное решение. – Вызов скорой помощи был не лучшим вариантом – и дело было не в недоверии к медикам, просто она не хотела сама оказаться на новостных полосах газет. – Подожди, – сказала она, хотя ей и не стоило беспокоиться по поводу того, что он начнет оказывать ей помощь. – Я посмотрю.

Клер попыталась пошевелить руками и ногами, согнуть пальцы. При падении больше всего пострадало ее плечо, и она была уверена, что с минуты на минуту почувствует боль, но, скорее всего, отделается лишь синяком. Вращающаяся педаль повредила ей голень. Костяшки пальцев были поца-

рапаны о ручку тормоза, а левая нога по щиколотку находилась в грязной холодной луже.

– Ну и?.. – спросил он.

– Сойдет. – Клер очень не хотела, чтобы Хэл понял, что ей трудно дышать в его присутствии. – Конечно, будут синяки, и еще сильно болит в том месте под талией, где находится твоя рука.

Он не счел нужным извиниться, в конце концов, это она въехал в него на полной скорости. Ей не следовало думать о том, на каких частях его тела появятся синяки. Особенно не следовало вспоминать, где находилась ее рука после падения.

– А ты как? – спросила она немного отстраненно.

– Чувствую ли я свою руку на твоей попе?

Уголки его губ поползли вверх, и ее несчастное сердце, которое только-только начало успокаиваться после того, как она его узнала, гулко ухнуло вниз.

Глава 2

– Повторяю вопрос, ты цел? – Клер пыталась придерживаться серьезного тона.

Если бы он ответил хотя бы неким подобием улыбки, она бы не поверила собственным глазам.

– Как-нибудь переживу. – И на этот раз в его глазах действительно появилась улыбка, заставив ее сердце выбивать барабанное соло. – Рискнем встать?

– У меня немного кружится голова. – По крайней мере, здесь ей не пришлось врать. Хотя, возможно, падение было ни при чем. Хэл Норт казался ей безопаснее, когда ворчал.

– Ладно, давай попробуем так: ты перекаатишься направо, а я постараюсь высвободить нас обоих.

Она слегка повернулась на бок, с трудом подавив стон, когда его холодные пальцы прикоснулись к тонкой ткани у нее под коленом. Прошла сотня лет с того момента, когда она, маленькая девочка, восхищалась им издалека, готовая упасть замертво от одного его взгляда. А он все так же пробуждал в ней сильнейшие чувства.

– Не больно? – спросил он.

– Нет! – сказала она слишком резко, заставив его нахмуриться. – У тебя очень холодные руки, – добавила она, когда он высвободил ее ногу из-под рамы.

– Вот что может случиться, когда ловишь форель, – ска-

зал он, подтверждая ее догадку. И это объясняло тот факт, почему она не заметила его раньше. И почему у него не было времени сориентироваться и отскочить.

– Ты, как и раньше, собираешься продать свой улов хозяину трактира «Фитерс»? – спросила она, пытаясь взять разговор под контроль.

– А он все еще имеет дело с браконьерской дичью? Ему придется заплатить большую сумму за свежий улов в эти дни.

– Тебе это только на руку. Надеюсь, твоя удочка в порядке?

– Она не моя. Я конфисковал ее у одного из рыбаков без лицензии.

– Конфисковал?

Когда он сел, она заметила знак на его комбинезоне. Он работает в поместье? Браконьер превратился в егеря? Почему ей казалось это странным? Он бы прекрасно подошел на роль блюстителя порядка в этой местности, поскольку знал парк вдоль и поперек...

– А они разве не дорогие? – спросила она. – Удочки?

– Он получит ее обратно, когда заплатит штраф.

– Штраф? Это жестоко, – сказала Клер, опасаясь, что угадала, о ком именно идет речь. – Он делает то, что делал ты, когда был в его возрасте.

– Разница в том, что мне хватало ума не быть пойманным.

– Не думаю, что этим стоит гордиться.

– У меня не было другого выбора. – С этим нельзя было поспорить. – Я так понимаю, ты знакома с пареньком?

– Думаю, речь идет о Гарри Харкере. Его мать работает в главном офисе поместья. Она в отчаянии. В прошлом году он бросил школу и нигде не работает. В старые времена его бы взяли на работу здесь, обучили какому-нибудь мастерству.

– И он бы работал на богачей за жалкие гроши.

– Пусть немного, но лучше, чем ничего. Если поместье перейдет к новому владельцу, может, замолвишь за него слово?

– Так ты не просто просишь отпустить его? Ты просишь взять его на работу? – спросил Хэл.

– Может, существует государственная программа поддержки обучения? – предположила Клер. – Пожалуйста, Хэл, дай ему шанс.

– Если я поговорю с ним, ты дашь шанс мне?

– Даже не сомневайся, – улыбнулась она, моментально забыв ушибы и боль. – Я даже испеку тебе пирог. Лимонная начинка? Имбирный корж? Кекс с изюмом?

На мгновение ей показалось, что она полностью завладела его вниманием.

– Не стоит беспокоиться, – сказал он, отводя глаза и поворачиваясь к велосипеду.

Она сглотнула разочарование.

– Ужасно. Отсутствие яблока угробило велосипед, – сказала Клер, видя, как Хэл прислоняет велосипед к дереву. –

А его можно починить?

– А это того стоит? – спросил Хэл, протягивая ей руку. – Ему, наверное, лет пятьдесят.

– Больше, – сказала она, подавая руку. – Он принадлежал еще няне Роберта.

Его ладонь была холодной, хотя, возможно, это у нее были горячие руки. Ей стало трудно дышать, когда их пальцы переплелись и Хэл наклонился, чтобы приподнять ее и поставить на тропинку. Дрожь в коленях, мурашки по позвоночнику и волна жара – все это она испытала, поймав его испепеляющий взгляд.

Вряд ли она смогла бы снова пройти его тест на количество пальцев.

– Я держу тебя, – сказал он, проявляя очевидное нетерпение, но когда она попыталась отстраниться, то почувствовала, что мягкую шерстяную ткань костюма что-то удерживает.

– Постой! – Она уже сломала велосипед и не собиралась еще больше усложнять ситуацию, порвав самый дорогой из своих костюмов. – Я за что-то зацепилась. – Клер вскрикнула, когда почувствовала резкую боль, уколотившись о сухой шип ежевики, острый, как гвоздь. – Что может сделать мой день еще ужаснее? – спросила она, зализывая маленькие дорожки крови на мягкой подушечке большого пальца.

– Все зависит от того, давно ли ты делала прививку от столбняка.

Неужели она наконец услышала заботу в его голосе?

– Это был риторический вопрос, – ответила она, – но спасибо за заботу.

Он мог относиться к ее словам как считал нужным.

– Вот. Держи, – сказал Хэл, увидев, как она роется в карманах в поисках салфетки. Он протянул ей свежeweыглаженный носовой платок и отступил назад, чтобы отцепить ее пиджак от колючек. Но моментально смазал впечатление от внезапной галантности словами: – Тебе стоило попытаться подняться раньше.

Она повернулась к нему:

– Прошу прощения?

Он оказался гораздо ближе, чем она ожидала. Его подбородок, покрытый суточной щетиной, скользнул по ее щеке, заставив температуру ее тела моментально подскочить вверх.

– Уже больше девяти, – заметил он. – Ты ведь спешила на работу?

У него были густые темные волосы. В юности они были длиннее, спадали завитками на шею и слегка закрывали глаза. Теперь они были безупречно подстрижены. Даже падение в грязную канаву не испортило его прически, только на лбу появился вихор, что сделало его еще более красивым, если такое возможно.

– Так и есть, – призналась Клер, – но я не проспала.

У виска она чувствовала его теплое дыхание. Ей надо было отодвинуться, создать разумную дистанцию.

До этого момента она никогда не стояла так близко к Хэлу, чтобы иметь возможность рассмотреть его глаза. Ей всегда казалось, что их оттенок ближе к темно-серому, но теперь она увидела в них зеленоватый отблеск.

Он приподнял бровь, открывая складной нож:

– Тебя задержало в постели что-то интересное?

– Можно и так сказать. – Если грядки можно считать ее постелью. Но если он считает, что у нее роман, она это переживет. – Сейчас меня больше всего волнует встреча в муниципалитете с председателем комитета по планированию, назначенная на десять утра.

Он кинул взгляд на часы:

– Ты уже все равно не успеешь.

– Нет. – Падение в канаву было не худшим событием в ее жизни. Теперь она могла потерять работу. – Если ты пошевелишься, я позвоню ему и предупрежу, что опаздываю. Возможно, он перенесет встречу на более позднее время.

– Поаккуратнее, мисс Тэкерэй, – предупредил он. – Я ведь могу оставить все как есть.

Она задумалась о том, не следует ли ей просто снять пиджак и самой освободиться из объятий ежевики, но потом решила не дергаться. Если Хэл Норт работает теперь в имении, он должен был быть в курсе событий и знать гораздо больше, чем департамент планирования.

– Я собиралась поговорить с ним о Крэнбрук-Парке, – сказала она, опуская руку, потянувшуюся было к пуговицам

пиджака, – ходят слухи, что его купили.

– А тебя почему это интересует?

– Я снимаю жилье в поместье, – сказала она. – Мой интерес вполне обоснован.

– У тебя договор об аренде.

– Ну да... – Остается еще три месяца. – Но я ведь знаю сэра Роберта с четырех лет и как-то сомневаюсь, что новый владелец будет так же благосклонен к старым съемщикам. Он может выгнать меня, а если не выгонит – повысит оплату. – Ей сейчас совсем не хотелось об этом думать. А если учесть, что она еще может потерять работу... – А еще ходят слухи о том, что в той части, где я сейчас живу, будет построено предприятие легкой промышленности.

– Не в моем дворе, случайно?

– В твоем – тоже, – резко вставила она. – Я живу в коттедже «Примроуз».

– А ты не задумывалась о том, что предприятие легкой промышленности предоставит немало рабочих мест для города? – ответил Хэл, отбрасывая ненужные сожаления о доме, в котором провел детство. – Этот аспект тебя не волнует? Подумай о том же молодом Гарри Харкере.

– Я – журналистка. – Слишком громкое название для того, кто работает на местную газету. – Меня интересуют все аспекты. Не стоит забывать о защите достопримечательностей.

– Для тех, кто не хочет расставаться с привилегиями...

– Это поместье всегда было любимым местом городских

жителей.

– Особенно рыбаков, – напомнил он ей. – Полагаю, раз ты занимаешься освещением местных новостей, ты работаешь на городскую газетенку?

– Да, на «Обозреватель», – сказала Клер, пытаясь игнорировать его пренебрежительный тон и концентрируясь на том, что надо вытянуть из него максимум информации.

– Ты так замечательно училась, и эта работа – предел твоих мечтаний?

Улыбаться становилось все тяжелее.

– Твоя мама говорила, что ты получишь работу в Оксбридже. Высокооплачиваемую должность в средствах массовой информации.

– Неужели? – спросила она так, словно в ее памяти не был жив каждый момент пережитого позора, когда ее мама чesала языком в местном магазине. Клер знала, что над ними обеими подсмеивались у них за спиной. – Очевидно, я оказалась не столь умной, как она считала.

– А если по правде?

Ей должно было польстить то, что он ей не поверил, но воспоминания о прошлом разбередили старые раны, и ей было очень тяжело.

– Наверное, это связано с тем, что я родила ребенка. – Если он вернулся домой, рано или поздно он об этом узнает. – Мисс Всезнайка и Зубрилка проиграла в сражении с гормонами. В свое время эта история наделала много шума.

– Могу себе представить. А я его знаю? Отца ребенка?

– В городе осталось не так много людей, знакомых тебе, – сказала Клер, не желая развивать тему. И через много лет крушение юношеских мечтаний все еще отзывалось болью. – Как ты сам заметил, здесь для молодежи почти нет работы. Состояние сэра Роберта уменьшалось с каждым годом. Низкий доход довел его бизнес до разорения, пришлось закрыть фабрики, а само поместье потеряло доход, благодаря которому держалось на плаву.

Главное здание нуждалась в реставрации. Большая часть зданий была на грани развала, заборы и ограды также требовали ремонта. Отдельная благодарность за это Арчи.

– Ты имеешь в виду, что осталось немного людей, которые помнят меня? – спросил Хэл.

– Ты бы от этого только выиграл.

– Думаешь, иначе мне бы были здесь не рады?

– Да нет... Я просто хотела сказать...

– Я знаю, что именно ты хотела сказать, – сказал он, возвращаясь к освобождению ее костюма, запутавшегося в кустах ежевики.

– Скажи мне, пожалуйста, что здесь происходит. – Она не теряла надежды получить его ответ или, по крайней мере, понять, знает ли он его сам.

– В ближайшие дни будет объявлено о судьбе поместья. Полагаю, в офис твоей газеты это сообщение тоже поступит.

– Оно продано! – Это не просто новость – настоящая сен-

сация! Новые интриги, новые рабочие места... – А кто владелец?

– Хочешь заработать очки для «Обозревателя», Клер?

Уголки его рта приподнялись, и в ее животе мгновенно запорхали бабочки. Может, она и стала взрослее и мудрее, но он все так же магически действовал на нее.

– Или просто хочешь стать первой обладательницей интересной сплетни?

– Я – мать-одиночка, работающая полный рабочий день, – сказала она, пытаясь взять под контроль разбушевавшиеся гормоны. – У меня нет времени заниматься пустой болтовней.

– Значит, отец ребенка не задержался?

– Это в прошлом. Ну же, Хэл! – Она почти умоляла. – Это же очевидно – ты что-то знаешь.

Если бы речь шла о председателе комитета по планированию, она бы постаралась пустить в ход свои женские чары. Но с Хэлом Норттом не стоило флиртовать, не задумываясь при этом о продолжении. В юности она была одержима им, смущаясь даже взглянуть в его направлении, она могла только догадываться, какую опасность представляет собой молодой Хэл Норт. Теперь она была зрелой женщиной, и у нее не было оправданий.

– Вскоре это будет обнародовано, – сделала она последнюю попытку, отчаянно надеясь, что он не замечает того, что творится у нее внутри.

– Значит, тебе осталось немножко подождать.

– Ладно, не называй имени. Просто скажи, что случится с именем? – Это все, что ей было нужно для того, чтобы репортаж оказался завтра на первой странице газеты. – Здесь будет гостиница и конференц-зал?

– Мне показалось, ты сама говорила, что здесь будут что-то строить. Возможно, фабрику.

– Ну ты же понимаешь, как это происходит... – Клер попыталась беззаботно пожать плечами. – Когда неизвестна правда, пустота наполняется ложью и слухами.

– Правда? – Хэл выпрямился и убрал охотничий нож. – Наверное, в этом ты разбираешься гораздо лучше меня.

– Ой, только не надо. Я работаю в местной газете. Иногда мы публикуем слухи, но мы слишком тесно связаны с местными жителями, чтобы печатать неправду.

Она попыталась встать, твердо намереваясь уйти, но он задержал ее.

Посчитав, что ее проблема решена еще не до конца, Клер подчинилась и почувствовала, как его руки опускаются ей на талию.

Ей следовало запротестовать, она бы это и сделала, если бы язык подчинился ее мозгу. Все это пролетело в ее мыслях, когда он приподнял ее, и она услышала квакающий звук. Ее ноги наконец появились из грязи, причем одна из них была без туфли. Ее нос оказался прижат к темно-зеленой ткани его рыбацкого комбинезона, и она забыла думать о колоколь-

чиках.

Хэл Норт обладал совершенно не похожим ни на что ароматом. Он пах свежим воздухом, сочной свежескошенной травой и лепестками колокольчиков, но через пелену природных запахов проникал еще какой-то аромат. От чистого, сладкого запаха теплой кожи у нее приятно защекотало в носу.

Он был таким провоцирующим, очень, очень возбуждающим и пробуждающим в ней желание сказать «да»... но она заставила себя сделать глубокий вдох. В молодости он был плохим парнем, и ей с трудом верилось, что с тех пор что-то изменилось.

– Прошу прощения, – сказала Клер, изо всех сил стараясь избегать взгляда его опасных глаз, прислоняясь к его плечу и пытаясь не потерять равновесие. – Мне действительно пора.

– Пора? А ты ничего не забыла?

– Туфлю? – предположила она, надеясь, что он вытащит ее из грязи сам. В конце концов, на нем рабочая одежда. Ей не очень хотелось обратно залезать в канаву, но и идея надеть туфли на каблуках, лежавшие в ее сумке, перекинутой через плечо, тоже не вдохновляла.

– Вообще-то я имел в виду то, что ты ехала на велосипеде по дорожке для пешеходов. Нарушала правила, даже не задумываясь.

– Ты издеваешься? – Она рассмеялась, но объект ее юношеской страсти сохранял вполне серьезный вид. Он не шу-

тил. Он был... Она не могла понять, каким именно он был. Она только чувствовала, что его взгляд заставляет ее сердце биться в бешеном ритме. – Нет! Нет, конечно же ты прав. Я больше так не буду.

Его скулы стали еще напряженнее, подбородок задрался немного вверх.

– Я тебе не верю.

– Не веришь? – спросила она, моментально забывая обо всем, поглощенная его взглядом, скользящим по ее верхней губе. Его взгляд не был больше грубым. Она сделала неосознанное движение, проведя языком по губе, стараясь охладить жар, которым пылал ее рот под его взглядом. – Что я могу сделать, чтобы убедить тебя в обратном?

Слова сорвались с языка Клер, и прежде чем она сумела осознать их подтекст, она увидела, как уголки его губ поползли вверх.

Все это выглядело как приглашение, звучало как приглашение...

В ее животе боролась смесь страха и возбуждения, и на какой-то кратчайший момент ей показалось, что он сделает то, что было так очевидно. Поцелует ее, сожмет в своих объятиях, воплотит в реальность мечты, наполнявшие ее девичий дневник. И пусть она встретила Джареда, руки и поцелуи Хэла всегда оставались пределом ее мечтаний.

О нет! Что за мысли крутились в ее голове!

Она резко сделала шаг назад, освободив талию от его

рук, устанавливая безопасную дистанцию, чтобы не позволить ему и дальше дурачиться. Но, видимо, сегодня все было не в ее пользу. Утро было теплым и солнечным, но ночью шел дождь, и ее ступня, одетая в тонкий капрон – естественно, к этому времени уже порвавшийся, – не удержалась на скользкой поверхности тропинки и поехала в сторону. Потеряв равновесие, Клер начала падать и сорвалась бы вниз, если бы Хэл снова не подхватил ее за талию жестом, который напоминал больше захват, нежели спасение. Слова благодарности застряли у нее в горле.

– Ты ездила на велосипеде по тропинке каждый день на этой неделе, – сказал он неумолимым тоном, – и мне кажется, только очень веская причина сможет остановить тебя.

– С этим прекрасно справляется Арчи, – попробовала возразить она.

– Если только не знать основной трюк с яблоками, как знаем его мы. И я видел, как ты пользовалась слабостью милого животного всю неделю. Кажется, ты постоянно опаздываешь.

Он уже видел ее? Когда? Как давно он вернулся? И самое интересное – почему она не слышала эту новость в местном магазине? Наверное, сейчас в городе осталось не так много людей, которые помнят плохого, опасного, волнующего Хэла Норта, но прибытие нового привлекательного мужчины всегда становилось главным событием.

– Ты что, ждал меня сегодня в засаде?

– Поверь, у меня есть гораздо более интересные дела. Боюсь, сегодня утром от тебя просто отвернулась удача.

– А мне показалось, это ты подвернулся мне. Итак, что теперь будем делать? – спросила она. – Позвоним в полицию?

– Нет, – сказал он. – Я выпишу тебе штраф на месте.

Она рассмеялась, полагая, что он шутит. Но он не присоединился к ней.

– А ты можешь это сделать? – спросила она, окончательно убедившись в серьезности его намерений. Штраф... – Хорошо. Я все поняла.

Он не изменился. Возможно, его плечи стали шире, возможно, он стал еще более привлекательным, чем был в юности, когда покинул их городок много лет назад, но внутри он остался все таким же хулиганом, который продавал дичь, пойманную браконьерством в парке, носился по аллеям на мотоцикле и разрисовывал граффити стены фабрики. И его так и не смогли застукать на месте преступления. Ни разу.

А теперь он вернулся в роли егеря и ужасно задается по этому поводу.

Она небрежно пожала плечами, пытаясь скрыть свое разочарование, и, порывшись в сумке, вытащила бумажник.

– Десять фунтов, – сказала она. – Еще у меня есть мелочь. Можешь взять ее или оставить мне.

– Оставь себе. Я надеялся на нечто более существенное и запоминающееся, нежели деньги, чтобы подстраховаться и быть уверенным, что в следующий раз, когда тебе придет

в голову ехать на велосипеде через парк, ты задумаешься, стоит ли это делать.

Она попыталась протестовать, заявив, что сумма станет ей прекрасным напоминанием до конца месяца о необходимости соблюдения закона. Но все, на что она оказалась способна, – это издать тихий вздох, когда он снова притянул ее к себе и их бедра соприкоснулись.

На мгновение она зависла в воздухе, балансируя лишь на кончиках пальцев.

А он посмотрел ей прямо в глаза:

– Что заставит тебя задуматься, Клер?

Ей показалось, что его глаза озарились мягким светом. Она все еще продолжала удивляться тому, какие странные мысли приходят ей в голову, когда он опустил голову и поцеловал ее в губы.

Глава 3

Клер Тэкерэй бросила свой велосипед, туфлю и потеряла несколько шпилек, когда ее густые волосы рассыпались по плечам свободными волнами.

У нее было такое ошарашенное выражение лица, когда она отпрянула от него и бросилась наутек в одной туфле, что он понял, что смех будет неуместен.

Было совершенно очевидно, что прямо сейчас, что бы он ни сказал и ни сделал, ситуацию не исправить. Неизвестно, на кого она злилась больше – на него или на себя. Хэл и сам не понимал своих чувств. Единственное, в чем он было уверен, – она никогда больше не решится кататься на велосипеде по аллеям парка. И яблоки – взнос Арчи за проход через ограду – ей тоже больше не понадобятся.

– Дело сделано, – пробормотал Хэл, злясь на себя и на нее. Он зашел обратно в лужу, чтобы вытащить забытую ею туфлю, засунул ее в корзину велосипеда, взял удочку, конфискованную у Гарри Харкера, и пошел за Клер.

Впервые за долгие годы он потерял над собой контроль, причем дважды. Первый раз – когда поцеловал ее, а второй – когда забыл свое намерение наказать ее, почувствовав, как она растаяла в его объятиях. Наказать ее за оскорбительную попытку подкупить его. За то, что она пыталась отнестись к нему исходя из его прошлых «заслуг». В конечном итоге,

наказать ее за то, что она носила фамилию Тэкерэй.

Он забыл обо всем, почувствовав податливость ее чувственных губ, открывшихся ему навстречу, шелк ее языка. Все его тело накрыло волной жара, когда она приникла к нему, разубеждая в своей сдержанности и педантичности. Ему сложно было сказать теперь, кто из них первый пришел в чувство. Он только помнил, что, когда сделал шаг назад, она смотрела на него так, словно столкнулась со стеной, а не с живым мужчиной.

Любая другая после подобного поцелуя наградила бы его мягким томным взглядом и пылающими щеками, но Клер Тэкерэй смотрела на него словно кролик, попавший в ловушку, и под толстым слоем грязи ее щеки были удивительно бледными.

Она не дала ему шанса что-то сказать... А что он мог сказать дочери Питера Тэкерэя? Девочке, которая была слишком хороша для того, чтобы заводить дружбу с местными ребятами? Женщине, которая даже теперь, когда удача от нее отвернулась и она живет в худшем доме в поместье, все еще играет роль доброй покровительницы и защитницы, как делала ее мать? Помогает бедным и несчастным... Лишая его всякого понимания жизни.

«Прости меня»?

Но ей не нужны были его извинения.

Бросив на него каменный взгляд, она отвернулась и убежала, не сказав ни слова, ни разу не обернувшись, словно он

все еще был городским мусором, каким считал его ее отец с подачи любезного сэра Роберта. Словно она все еще была маленькой принцессой Крэнбрука.

Сломанное колесо велосипеда не позволяло вытащить его из грязи. Он оставил ее средство передвижения за деревом, скрыв от посторонних взглядов, вытащил туфлю из корзинки и двинулся за ней:

– Клер, черт тебя подери! Подожди!

Клер хотелось умереть.

Нет, это смехотворно. Она уже выросла из глупого подростка, влюбленного в местного хулигана. Она была ответственной, разумной женщиной. Которая была готова умереть.

Как он посмел?!

Спокойно... Хэл Норт всегда делал то, что хотел, плевал на авторитеты и на запреты, провоцировал всех кругом, совершая сумасшедшие поступки.

Но как могла она?

Как могла она просто стоять и позволять Хэлу Норту целовать ее? Более того, отвечать на его поцелуй, словно ждала его всю сознательную жизнь? И даже сейчас она все еще чувствовала вкус его губ, кровь пульсировала во всем ее теле, и сладостная дрожь никуда не уходила, напоминая наслаждение момента, который показал ей, что ничто остальное не имеет значения. Где была ее гордость?

Случилось все так, как она себе это представляла в юности. И все было даже чудеснее. Сказка воплотилась в реальность.

Ужасно!

Она пыталась сконцентрироваться на этой эмоции, закрыв глаза и мечтая избавиться от теплого, живого запаха его кожи, от ощущения твердости его плеч под ее ладонями, забыть вкус его настойчивых губ, таких соблазнительно мягких, без труда приоткрывших ее губы в поиске языка.

– Ты не слышала, как я тебя звал?

Конечно, слышала.

«Подожди, черт тебя подери».

– Я принес твою туфлю, – сказал он.

Она взяла ее, не замедляя шаг и не глядя в его сторону.

– Это было глупо.

– Правда? – Возможно. Несомненно. Она подумает об этом позже. – Это и был твой штраф?

– Ты уверена, что хочешь услышать правду?

Она споткнулась о корень, и он снова поймал ее руку, чтобы удержать от падения.

– Отвали, Хэл, – сказала она, пытаясь избавиться от его поддержки. Но он не собирался сдаваться, и она подняла на него взгляд. – Ты будешь сопровождать меня и дальше?

– Для твоей же безопасности.

– Безопасности? Теперь Арчи не побеспокоит меня. Я иду пешком. Вот от тебя меня защитить некому, – заметила она,

понимая, что запутывает ситуацию еще больше.

– Ты сильно ударилась и испытываешь шок, – ответил он совершенно спокойно, еще более раззадоривая ее.

– А тебя это теперь беспокоит?

Он прав, она шокирована. Шокирована до дрожи в коленях, но это не связано с Арчи, это касалось ее столкновения с Хэлом Нортон. С тем, что она ответила на его поцелуй, словно ждала его всю жизнь. Может, так оно и было...

Как он смел вести себя так спокойно, когда внутри ее все клокотало?

– Немного поздновато ты начал играть в рыцаря, тебе не кажется?

– Ты путаешь меня с кем-то.

– Вот еще, – пробурчала она, пытаясь не вскрикнуть, когда ее голая нога попала на острый камень, заставив ее сжать зубы от боли.

Последнее, в чем она нуждалась, – это в нотациях от Хэла по поводу того, что он ее предупреждал.

Пока она пыталась скрыть от него последствия неосторожного движения, Хэл отпустил ее руку и решительно обнял за талию так, что у нее не оставалось другого выбора, кроме как прислониться к его крепкому плечу и позволить поддержать ее.

Она понимала, что, если начнет сопротивляться его помощи, все станет только хуже, поэтому оставшуюся часть дороги до дома они так и шли: она ковыляла, прислонившись к

нему, чувствуя щекой жесткую ткань его рабочего комбинезона. Искушение просто отдаться комфорту и сладости момента, как это случилось при их поцелуе, было очень велико, и ей понадобились все ее силы для того, чтобы соблюдать дистанцию и не чувствовать иллюзорное ощущение безопасности и защищенности. И еще молиться о том, чтобы он решил, что ее затрудненное дыхание связано с последствием пережитого шока от удара.

Когда они подошли к калитке, она позволила себе расслабиться и забрала у него удочку, полагая, что он хочет, чтобы она передала ее Гарри.

– Спасибо... – Она не успела договорить слова благодарности, как вдруг почувствовала, что он подхватил ее под колени и ловко поднял в воздух, словно жених, вносящий невесту на руках через порог дома. Нагруженная удочкой, она не могла ничего сделать и обвила одной рукой его за шею, когда он направился по покрытой гравием дорожке вокруг дома к заднему входу.

– Ключ? – спросил он, ставя ее на пол перед входом.

– Я дома. Ты уже помог, – сказала она, ожидая, когда он уйдет. Она не собиралась больше его благодарить.

– Ты собираешься и дальше быть такой угрюмой?

– Даже не сомневайся.

Он пожал плечами, посмотрел вокруг и подвинул кирпич, за которым она прятала ключ.

– Моя мама прятала его так же. Более того, я почти уверен,

что кирпич тот же.

– Уходи, – сказала она, скидывая единственную туфлю в шкаф, где стояла обувь и висела верхняя одежда.

– Не уйду, прежде чем не получу чашку горячего сладкого чая, – сказал он, следуя за ней и скидывая свои ботинки.

– Я не ем сахар.

– А я ем.

За ее спиной раздался телефонный звонок. Она попыталась его проигнорировать, ожидая, что Хэл все-таки уйдет, но, не дождавшись этого, сдалась и направилась на кухню, чтобы поднять трубку.

– Клер Тэкерэй...

Хэл выдвинул стул, скинув с него двух спящих котов, усадил ее, а сам подошел к чайнику.

– Клер?

– О, Брайан.

– У тебя проблемы?

Брайан Гауф, редактор отдела новостей, говорил скорее обеспокоенно, нежели озабоченно, потому что знал – на нее всегда можно было полностью положиться. Она всегда хорошо выполняла работу, хотя, как любой работающей матери, порой ей приходилось разрываться между чувством долга перед начальством и необходимостью заботиться о дочери, чьи нужды были для нее приоритетом. – Просто мне только что звонил Чарли.

Чарли... Видимо, речь шла о Чарли Пискоде, председате-

ле комитета по планированию. Она посмотрела на часы и застонала.

Хэл услышал ее и повернулся.

– Ты в порядке? – спросил он по-настоящему озабоченно.

– Нет, – помотала головой она. – Мне очень-очень жаль, Брайан, но со мной произошел небольшой несчастный случай.

– Несчастный случай? Что случилось? Ты в порядке?

– Д-да, – сказала Клер, чувствуя, что ее начинает бить озноб.

– Что-то не похоже...

– Все будет хорошо, – сзади нее мирно посапывал чайник, накрывая ее волной уюта. Она услышала, как открылась крышка от коробки с печеньем. Ей не хотелось оборачиваться. – Я собиралась п-позвонить тебе, но... – Но это совершенно вылетело у нее из головы. Важная встреча, работа, все остальное. Вот, что может сделать Хэл Норт всего одним поцелуем. – Я упала с велосипеда.

– А ты была в больнице? – спросил Брайан еще более озабоченно.

– Все не так плохо, правда. – И так оно и было. Ей только нужно было время, чтобы прийти в себя. – Просто пара синяков и царапин, но главное – много грязи. Как только приму душ, выйду из дома. Если повезет, успею на одиннадцатичасовой автобус.

– Нет, нет. Не надо торопиться. Мы справимся без тебя.

Возьми выходные до конца недели. Приди в себя. Увидимся в понедельник.

– Если ты настаиваешь... Я позвоню господину Пискоду и извинюсь. Перенесу встречу на понедельник.

– Даже не беспокойся об этом. Я пригласил его на обед. И давай посмотрим правде в глаза: после бокала вина он будет гораздо более разговорчив.

Естественно. Как все мальчики. На поле для гольфа или в пабе. Брайану Гауфу не понадобится причесываться, надевать лучший костюм, хлопать ресницами. Он пригласит Чарли в ресторан и за тарелкой сочного ростбифа – за свой счет – услышит обо всем, что происходит в Крэнбрук-Парке. Так было всегда.

Ее задачей было описывать встречи женских благотворительных организаций и рождественские представления до самой пенсии. Слава богу, благодаря блогу «Тля и одуванчики» ей удалось получить работу по написанию статей для веб-сайта газеты «Армстронг», потому что никто другой за это бы не взялся.

На ее обучение была потрачена уйма времени и масса денег, а теперь она мать-одиночка без диплома, мать, для которой нужды ребенка стояли на первом месте. Положение усложнялось тем, что штат «Обозревателя» постоянно сокращался, а одинокая мать была одной из главных кандидатур на вылет.

– Закончила? – Хэл наблюдал за Клер, наливая воду из

чайника в миску. Несмотря на то что она утверждала, что все в порядке, она была очень бледна.

– Да.

– Тебе не надо звонить в муниципалитет и извиняться?

– Нет, не надо. – Клер посмотрела на трубку, которую все еще держала в руке, и опустила ее на аппарат. – С ним встретится редактор отдела новостей.

– Отлично. Я отмою твою ногу.

Она нахмурилась, когда он поставил миску с водой перед ее ногой.

– В этом нет необходимости. Я приму душ, когда ты уйдешь.

– Ты порезалась, – сказал он. – На полу я заметил кровь.

– Правда? – Она посмотрела вниз и увидела грязные кровавые следы на чистом полу. – Наверное, это случилось, когда я наступила на камень.

– Вероятно, ты наступила на осколок стекла, – сказал Хэл, пытаясь не думать больше о поцелуе. И о пуговице, которой она поигрывала, и о том, как она прислонялась к нему, когда они шли к дому. – Или жестяная крышка. Я не могу поверить, что здесь валяется мусор.

– Это ужасно злило моего отца.

– Значит, не только меня. – И добавил, не дожидаясь ее ответа: – Опустит ногу, пусть она отмокнет. Я посмотрю, не осталось ли в ране осколка.

Он оставил ее отмачивать ногу, а сам заварил чай и доба-

вил в ее кружку много сахара.

Ему не следовало приезжать в Крэнбрук. Он и не соби-
рался этого делать изначально. Он хотел держаться отсюда
на расстоянии и поручить юристам решить все за него, но
мысли о поместье были навязчивы, как зубная боль.

– У тебя есть антисептик? – спросил он, ставя перед Клер
кружку.

– В аптечке под краном.

– Полотенце?

– В комод. В ванной наверху...

– Я еще помню, как здесь ориентироваться. – Хэл взял
шоколадное печенье и протянул одно ей. – Съешь.

– Я...

– Это в медицинских целях, – прервал он ее, открывая
дверь, ведущую на лестницу, которая в детстве казалась ему
гораздо уже. – Тебе стоит снять колготки, пока я схожу за
полотенцами.

– Уверен, что я справлюсь без тебя?

Он остановился на нижней ступени и оглянулся:

– Однажды твой язык доведет тебя до серьезных непри-
ятностей, Клер Тэкерэй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.